

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ УКРАИНСКИХ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГОДОВ

Священник Роман Савчук

кандидат богословия
научный рецензент Издательского совета Русской
Православной Церкви
119435, г. Москва, ул. Погодинская, д. 20/3, стр. 2
russ_sav@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>

Для цитирования: Савчук Р. А., священник. Идеологические искажения русской церковной истории в трудах украинских советских авторов второй половины 1980-х годов // Богословский вестник. 2022. № 3 (46). С. 190–211. DOI: 10.31802/GB.2022.46.3.009

Аннотация

УДК 27-9|0325/1054| (2-674)

Одна из главных задач настоящего исследования — проследить идеологические особенности формирования исторического мышления украинских историков в контексте осмысления роли и места Церкви в прошлом страны. С помощью историко-типологического и историко-сравнительного методов проанализированы публикации украинских историков, философов и общественных деятелей второй половины 1980-х гг., касающиеся вопросов церковной истории. В статье также рассматриваются конкретные примеры реализации данных методов при искажении исторической действительности в культурной, социальной, общественно-государственной сферах. Отдельно проанализирован идеологический миф о «церковном модернизме» в русском богословии второй половины XX в. Обосновываются выводы о том, что влияние советской атеистической идеологии на церковно-исторические исследования оставалось достаточно сильным; основными методологическими приёмами идеологического искажения церковной истории были: огульное упрощение исторической действительности; целенаправленное

упрощение церковной трактовки прошлого Руси, искажение выводов христианских авторов; формирование отрицательного отношения к позиции церковных учёных с помощью навешивания ярлыков, необоснованного противопоставления «свой — чужой», «прогрессивный — отсталый», «научный — выдуманный»; использование экспрессивной, отрицательно окрашенной лексики.

Ключевые слова: идеология, церковная история, исторические мифы, историография, крещение Руси, церковный модернизм, патриотизм, национализм.

Ideological Distortions of Russian Church History in the Works of Ukrainian Soviet Authors of the Second Half of the 1980s

Priest Roman (Ruslan) A. Savchuk

PhD in Theology

Scientific Reviewer of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church

20/3, p. 2, Pogodinskaya str., Moscow, 119435, Russia

russ_sav@mail.ru

For citation: Savchuk, Roman A., priest. "Ideological Distortions of Russian Church History in the Works of Ukrainian Soviet Authors of the Second Half of the 1980s". *Theological Herald*, no. 3 (46), 2022, pp. 190–211 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2022.46.3.009

Abstract. The second half of the 1980s opens a new stage of Ukrainian historiography. It was connected with the processes of democratization of the socio-political life of the country. However, the influence of Soviet atheist ideology on church-historical research remained quite strong. One of the main tasks of this study is to trace the ideological features of the formation of the historical thinking of Ukrainian historians in the context of understanding the role and place of the Church in the country's past. Using historical-typological and historical-comparative methods, the authors analyze the publications of Ukrainian historians, philosophers, and public figures of the second half of the 1980s concerning issues of church history. The author substantiates the conclusions that the main methodological methods of ideological distortion of church history were: wholesale simplification of historical reality; purposeful simplification of the church's interpretation of the past of Russia, distortion of the conclusions of Christian authors; the formation of a negative attitude to the position of church scientists by labeling, unjustified opposition «friend — foe», «progressive — backward», «scientific-fictional»; the use of expressive, negatively colored vocabulary. The article also discusses specific examples of the implementation of these methods in the distortion of historical reality in the cultural, social, public and state spheres. The ideological myth of «church modernism» in Russian theology of the second half of the twentieth century is analyzed separately.

Keywords: ideology, church history, historical myths, historiography, baptism of Rus, church modernism, patriotism, nationalism.

Введение

Актуальность

Вторая половина 1980-х гг. является во многом уникальным периодом в развитии украинского историографического процесса. С одной стороны, сохраняла влияние официальная атеистическая идеология советского государства. А с другой — на формирование украинской исторической мысли начинали всё сильнее влиять процессы демократизации общественной жизни. Характерным явлением данного периода стало возрастающее внимание светских учёных к церковной истории в связи с празднованием Тысячелетия крещения Руси. Можно с уверенностью говорить, что в это время национальная интеллигенция формирует образы Церкви, которые будут активно интерпретироваться той или иной частью общества в разных подходах к строительству церковной жизни на Украине как в независимом государстве. Безусловно, часть идеологических мифов ушли в небытие вместе с падением советского государства. Однако особенности методологии, отдельные аспекты секулярного прочтения церковной истории оставили заметный след в национальной историографической традиции. Рассмотрение идеологических мифов, которые активно воспроизводились и формировались среди украинских советских авторов данного периода, позволяет лучше понимать и те направления церковно-исторических исследований, которые развивались после провозглашения независимости Украины и нашли отражение в современной исторической литературе.

Историографический обзор

Осмысление влияния официальной советской идеологии на научную объективность при рассмотрении вопросов церковной истории началось уже в рассматриваемый период. Так, В. М. Зубарь и Ю. В. Павленко в монографии «Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси»¹, вышедшей в Киеве в 1988 г., приступая к изложению вопроса о «сторонниках и противниках» христианства на Руси, указывали, что ограничиться традиционным взглядом, что «христианство было выгодно господствующим классам, а значит его принятие в качестве официальной идеологии укрепляло власть эксплуататоров

1 Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988.

над експлуатируемыми», «означало бы упрощать проблему»². В дальнейшем историографический процесс в Украинской ССР второй половины 1980-х гг. осмыслился как в общих работах³, так и в отдельных исследованиях⁴. Современные авторы признают значительное влияние идеологии в работах украинских историков 1970-х-середины 1980-х гг. О. Удод отмечает, что «подавляющее большинство публикаций оказалось за пределами подлинной исторической науки, имело пропагандистское назначение, грешило “лакированием” действительности, уходом от исторической правды»⁵. Вместе с тем, признавая наличие многих проблем, связанных с идеологическим прессингом в то время, исследователи отмечают, что вторая половина 1980-х гг. открывает новый этап украинской историографии, связанный с процессами демократизации общественно-политической жизни страны⁶. Наконец, следует отметить, что исследование идеологических мифов в осмыслении церковной истории украинскими советскими авторами, в отличие от мифов политической истории⁷, не нашло сколько-нибудь заметного отражения в специальных работах.

- 2 *Зубарь В. М., Павленко Ю. В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. С. 123.
- 3 *Калакура Я. С.* Українська історіографія: Курс лекцій. Київ, 2004.
- 4 См.: *Світло й тіні українського радянського історіописання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.)* / за ред. В. А. Смолія. Київ, 2015; *Білокінь С.* Про становище історичної науки в Україні // *Український історик*. 1990 (рік 27). № 1–4 (104–107). С. 138–144; *Hagen M., von.* Does Ukraine have a History? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 3. P. 658–673.
- 5 *Удод О.* Просопографічна палітра українських радянських істориків доби «розвиненого соціалізму» // *Світло й тіні українського радянського історіописання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.)* / за ред. В. А. Смолія. Київ, 2015. С. 168. (С. 161 – 168.)
- 6 *Колесник І.* Українське історіописання 1960–1980-х рр.: культурні розриви та метаморфози // *Світло й тіні українського радянського історіописання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.)* / за ред. В. А. Смолія. Київ, 2015. С. 170.
- 7 См.: *Зашкільняк Л.* Радянські історичні міфи в сучасній українській історіографії: «старе вино в нових міхах» // *Світло й тіні українського радянського історіописання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.)* / за ред. В. А. Смолія. Київ, 2015. С. 17–30.

Анализ публикаций второй половины 1980-х годов

Особенности методологии в работах украинских советских авторов

Прежде всего, следует рассмотреть общие особенности методологии украинских советских авторов второй половины 1980-х гг. при рассмотрении ими вопросов, касающихся церковной истории. Первое, что в данном контексте обращает на себя внимание — тенденция к огульному упрощению исторической действительности. Сложные исторические процессы, связанные с церковной жизнью, нередко представлялись в одномерном контексте с расстановкой антагонистических оценочных акцентов. Так, П. В. Голобуцкий сущность принятия христианства представляет как простой процесс классовой борьбы:

«Тысяча лет назад произошло событие, которое имело значительные последствия для дальнейшей истории нашей Родины: господствующая феодальная верхушка приняла христианство и начала распространять его среди народа»⁸.

Другой автор, В. П. Еременко, основываясь на работах классиков марксизма-ленинизма и других атеистов, показывает, что социальные доктрины христианства с превращением его в официальную религию Римской империи (Византии) всё дальше отдалялись от нужд простого народа, превращаясь исключительно в инструмент порабощения широких народных масс. Князь Владимир, по мнению В. П. Еременко, который просто воспроизводит распространённое идеологическое клише, принимает православие исключительно для закрепления классового расслоения общества и с целью иметь надёжный идеологический инструмент удержания в покорности низших слоёв населения.

«Православие было выбрано не по его вероучительным принципам, а по классовому признаку, для верной службы господствующей верхушке»⁹, — заявляет автор.

Нередко советские учёные стремились целенаправленно упростить церковную трактовку прошлого Руси, исказить мнения христианских авторов, чтобы показать их наивный характер и «ушербность».

8 Голобуцкий П. В. Запровадження християнства на Русі — правда і вигадки. Київ, 1987. С. 3.

9 Еременко В. П. В поисках исторической истины. Днепропетровск, 1989. С. 109.

К примеру, К. Е. Гломозда, рассматривая вопрос о темпах распространения христианства на Руси, указывает:

«Факты убедительно свидетельствуют, что ни государственный акт Владимира, ни последующая его деятельность не ознаменовались абсолютным торжеством новой религии»¹⁰.

Представив якобы существующую среди христианских авторов наивную уверенность в быстром и повсеместном «абсолютном торжестве новой религии», советский учёный дискутирует и с «преувеличением» роли Церкви в складывании государственной целостности Руси и с глубиной христианизации, поскольку культ и соблюдение религиозных церемоний, по его мнению, было характерно лишь для представителей власти¹¹. В искреннем порыве развенчать «искажения» и недомолвки церковных историков, В. П. Еременко вскрывает даже «богословские» упущения, которые «богословы старательно умалчивают». Автор заявляет, якобы «акт крещения был незаконным по религиозным же канонам», поскольку «крещение осуществляли рядовые священнослужители».

«Совершать же акт крещения (по мнению автора. — *Р. С.*) может только представитель высшей церковной иерархии на уровне митрополита»¹².

Что послужило источником для таких «богословско-канонических» выводов исследователя, остаётся непонятным.

Ещё один характерный методологический приём искажения исторической действительности — целенаправленное формирование отрицательного отношения к позиции церковных учёных с помощью навешивания ярлыков, необоснованного противопоставления «свой — чужой», «прогрессивный — отсталый», «научный — выдуманный» и прочее. К примеру, П. В. Голобуцкий целенаправленно ассоциирует язычество в момент крещения Руси с «нашими предками». Таким образом, читателю не просто предлагается наблюдать противостояние язычества и христианства, но рисуется картина борьбы пришедшей идеологии с «нашими предками-язычниками», которые к тому же якобы совершенно бесосновательно принижены в своём достоинстве поздними

10 Гломозда К. Е. «Крещение Руси» в концепциях современной буржуазной историографии: (Критич. анализ). Киев, 1988. С. 41.

11 Там же. С. 58.

12 Еременко В. П. В поисках исторической истины. С. 116.

христианскими историками¹³. В данном контексте характерны нравственно-этические ремарки В. П. Еремеева при рассмотрении им процесса принятия христианства на Руси. Указывая на якобы повсеместно насильственный характер утверждения христианства, автор заявляет, что церковные историки и богословы забывают, «что истина может быть болезненно выстрадана, но не насильно завоёвана, что её можно объяснить людям, доказать, но не навязать, если это действительно истина. Только ложь, не имея силы в доказательных аргументах, всецело опирается в своём утверждении на жестокость и насилие»¹⁴. По сути, все дальнейшие рассуждения автора являются пространном комментарием, состоящим из подобранных фактов, аналогий и допущений, к приведённой нравственно-этической концепции «лживости и безнравственности церковников».

Одним из методологических приёмов получения нравственной санкции для предвзятого отношения к Церкви было использование экспрессивной, отрицательно окрашенной лексики. К примеру, утверждалось, что церковники — «подогреваются» из-за рубежа, развращают детей и молодёжь, привлекают «религиозных экстремистов»¹⁵; идеология, которую проповедовало христианство была якобы «человеконенавистнической», «антигуманной»¹⁶.

Культура

Пожалуй, более всего идеологическая критика Церкви в работах украинских авторов данного периода затрагивала вопросы культурного влияния христианства на развитие общественной жизни Руси. Очевидно, связано это было и с историческими особенностями периода. На разного рода научных конференциях, в светских и церковных изданиях, на мероприятиях подчёркивалось положительное влияние Церкви на культурное развитие страны. Атеисты и идеологические работники не могли с этим смириться. Появляется целый ряд работ, в которых

13 Голубуцкий П. В. Запровадження християнства на Русі – правда і вигадки. С. 3.

14 Там же. С. 99.

15 Заглада А. А. Методологічні аспекти критики сучасного православ'я // Проблеми атеїзму. Вип. 22. Методологічні питання дослідження введення християнства на Русі і його наслідків. Київ, 1986. С. 51.

16 Тарасов Ю. В. Антигуманність учення і практики російського православ'я // Проблеми атеїзму. Вип. 22. Методологічні питання дослідження введення християнства на Русі і його наслідків. Київ, 1986. С. 39.

критикуется тезис о положительной роли Церкви в культурном развитии Руси.

В. А. Зоц в работе «Православие и культура. Факты против домыслов» ставит перед собой задачу разоблачить «православно-богословские интерпретации проблем духовной культуры», показать «несостоятельность попыток богословов представить религию как первооснову культурного развития»¹⁷. Автор не старается предпринять философский анализ исторического процесса принятия христианства. Его больше интересует сравнительный анализ культуры и религии как социальных явлений, он стремится показать глубину и непреодолимость противоречий между ними¹⁸. Первый аспект, на который обращает внимание В. А. Зоц, — широкая инкорпорация народно-языческих традиций в христианский быт украинского и белорусского народов: от празднования Ивана Купалы до обрядовых песен и народных представлений на христианские праздники¹⁹. Всё это, по мнению автора, доказывает существование могущественной самобытной духовной традиции славян до принятия крещения. Второй аспект, на котором останавливается В. А. Зоц, представляет проблема происхождения литературного языка Руси. Автор пытается доказать существование прочной письменной литературной традиции до христианизации русских племён²⁰. Естественно, за отсутствием надёжных исторических источников во главу угла ставятся исключительно авторские интерпретации исторических фактов, а не объективный анализ источников. Затем исследователь переходит к анализу литературного наследия древнерусских книжников и приходит к выводу, что книжники князя Ярослава Мудрого, благодаря своему стремлению сделать христианское мировоззрение понятным для русских людей, начинают традицию «обмирщения, оязычивания христианства в Киевской Руси»²¹. Характерный посыл представлен и в четвёртой главе, названной «Народное творчество против религии». В. А. Зоц стремится представить непреодолимый антагонизм естественно развивающейся «развитой народной духовной культуры» и насильственно насаждаемого христианства со своей культурной традицией. В развитии своей концепции автор утверждает, что одной из характерных особенностей народного творчества является его «стихийно атеистическая,

17 Зоц В. А. Православие и культура: факты против домыслов. Киев, 1986. С. 3.

18 Там же. С. 7.

19 Там же. С. 15–20.

20 Там же. С. 25–41.

21 Там же. С. 47.

антицерковная направленность»²². Далее исследователь с помощью отдельных исторических фактов перестройки древних храмов или возведения на их месте новых, что происходило по инициативе монархов или архиереев, живописно рисует процесс извечного противостояния народного гения, воплощённого, в частности, в архитектуре или прикладном искусстве, и церковных властей, действовавших всегда заодно со светскими феодалами²³. Исследователь полагает, что на почве обращения автора «Слова о полку Игореве» к идейному наследию дохристианской Руси сложилось особое «неортодоксальное, чуждое христианству видение мира, которое способствовало формированию традиции вольнодумства и свободомыслия»²⁴. Как видим, главный методологический инструментарий данной работы — свободная, исключительно авторская интерпретация исторических фактов.

Анализ антицерковных идеологических публикаций даёт основания говорить о том, что идеологи УССР целенаправленно использовали тему «развитого» язычества славян. «Священнослужители и богословы, — утверждалось в одной из коллективных монографий, — внушали народу, что история отечественной культуры якобы начинается с “крещения Руси” и обязана всеми своими приобретениями покровительству церкви как “дома Божьего на земле”. Но известно, что культура восточных славян обязана именно православию потерей множества своих духовных ценностей, созданных народом в так называемое языческое время»²⁵. Язычество часто представлялось «продуктом народного творчества», формой народной культуры «наших предков», с которой вело борьбу пришлое христианство, «греческое православие»²⁶, которое «нанесло громадный урон народной духовной культуре»²⁷. В умеренных публикациях утверждалось, что «формирование самобытной древнерусской культуры» началось задолго до введения христианства на Руси, последнее же «лишь способствовало этому процессу, наложив

22 Зоц В. А. Православие и культура: факты против домыслов. Киев, 1986. С. 70.

23 Там же. С. 110–116.

24 Там же. С. 145.

25 Лобовик Б. А., Колодный А. Н., Филоненко Н. В. и др. Православие и современность. Киев, 1988. С. 9–10.

26 Глушак А. С. Критика религиозной интерпретации введения христианства на Руси // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев, 1986. С. 11.

27 Шинкарук В. И. Некоторые методологические проблемы марксистского освещения истории духовной культуры и религии // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Киев, 1988. С. 28.

на него свой отпечаток»²⁸. Более воинственные авторы говорили о том, что введение христианства «прервало самобытный ход развития славянской культуры» и принесло отсталое мистифицированное мировоззрение²⁹, а культурный прогресс имел место в Киевской Руси «не благодаря этой религии, а вопреки ей, на основе собственного, ранее достигнутого уровня и с помощью всего того, что было неправомерно присвоено христианством из сокровищницы общечеловеческой культуры»³⁰. Некоторые авторы, проводя параллель с эпохой Ренессанса, когда были возрождены «погребённые христианством культуры Древнего Рима и Древней Греции», с сожалением отмечали, что «не столь богатая, но самобытная дохристианская культура Руси ещё молчит»³¹.

Авторы, следуя за Ф. Энгельсом, обвиняли Церковь в том, что она монополизировала просвещение, а потом начала борьбу «против научной мысли и передовых идей»³². Русская Православная Церковь целенаправленно представлялась хранительницей разного рода предрассудков, отсталых идей, антинаучного мировоззрения:

«Культурное развитие, на которое имело влияние православие, носило “односторонний характер, поскольку не способствовало развитию светской культуры”»³³.

При этом естественно умалчивалось о том факте, что культура Средневековья никак не могла быть «светской» или развиваться вне религиозного сознания. Интересно, что об этом писали даже украинские советские философы данного периода. Так В. С. Горский в монографии «Философские идеи в культуре Киевской Руси XI — начала XII в.» указывал:

«Представление обо всём, что так или иначе связано с религией, как несомненно реакционным и негативном в культурном отношении

28 *Захарченко А. В.* Русское православие и народное образование // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев, 1986. С. 32.

29 *Глушак А. С.* Критика религиозной интерпретации введения христианства на Руси. С. 11.

30 *Тарасов Ю. В.* Антигуманность учения и практики русского православия. С. 39.

31 *Глушак А. С.* Критика религиозной интерпретации введения христианства на Руси. С. 12.

32 *Захарченко А. В.* Указ. соч. С. 32.

33 Проблемний огляд журналу «Православний вісник» / [підгот.: Колодний А. М. та ін.]. Київ, 1989. С. 3.

в силу самой этой связи, не выдерживает критики прежде всего с методологической точки зрения»³⁴.

Оставляя в стороне научно обоснованный подход к анализу исторического прошлого, идеологические деятели утверждали, что Церковь на Руси была «тормозом в развитии народного творчества, философской мысли и естествознания»³⁵. Православие, способствуя консервации феодализма, якобы «закрывало стране те значительные достижения цивилизации, которые имели место в Западной Европе, во всём мире»³⁶; «обеднённая и односторонняя христианская культура в целом была тормозом общественного прогресса»³⁷.

Искажая и упрощая церковные реалии, идеологически мотивированные авторы указывали на то, что в церковных и близких им по духу изданиях всячески принижается язычество, его очерняют и мистифицируют. В публикациях некоторых украинских атеистических учёных второй половины 1980-х гг. безосновательно утверждалось, что «к XX столетию духовенство в силу специфики своей деятельности вобрало и сохранило в себе предрассудки народа, а последний, испытывая в практической деятельности процесс освобождения от ложных, суеверных представлений, затормаживался в этом стараниями духовенства»³⁸. Безустанно советские авторы говорили о «тёмном прошлом» Русской Церкви, которое она старается всячески затушевать, «преподнося процесс христианизации Руси как выдающееся событие»³⁹, о «тёмных страницах истории православия, обнаруживающих антигуманность декларируемой им заботы о человеке»⁴⁰. Миф о «тёмном прошлом» был, пожалуй, одним из излюбленных приёмов формирования у читателя образа Русской Церкви как врага для своего народа.

34 Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. Киев, 1988. С. 6.

35 Лобовик Б. А., Колодный А. Н., Филоненко Н. В. и др. Православие и современность. С. 9–10.

36 Проблемный обзор журналу «Православний вісник». С. 3.

37 Голобуцкий П. В. Запровадження християнства на Русі – правда і вигадки. С. 88.

38 Тарасов Ю. В. Антигуманность учения и практики русского православия. С. 41.

39 Заглада А. А. Методологические аспекты критики современного православия. С. 51.

40 Лисовенко Н. А. Несостоятельность православно-богословской системы ценностей // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев, 1986. С. 64.

Социальная сфера

С культурной жизнью тесно связана социальная сфера. Примеры заботы Церкви о нуждающихся, миротворческая роль в социальных конфликтах, влияние христианской нравственности на сглаживание социальных противоречий не могли остаться вне пределов идеологической критики советских авторов. Магистральное направление данной критики заключалось в формировании образа Церкви как охранительницы интересов эксплуататоров.

Само проникновение христианства в общественную жизнь тесно связывалось в атеистической советской литературе с появлением на Руси «класса угнетателей и класса угнетённых»⁴¹. При этом преподносилось, что Церковь заботилась исключительно об интересах первых:

«К широким народным массам русское православие обращалось с проповедью терпения и непротивления эксплуататорам, требовало от них равнодушного отношения к политической жизни, видя в этом главный способ утверждения своих реакционных политических идеалов. Вместе с этим... верхушка церкви принимала самое активное участие в государственно-политической деятельности того времени»⁴².

Восстания волхвов и сопротивление христианизации преподносились как свидетельства того, что «угнетённые массы сразу же распознали обман церковников, увидели органическую связь церкви с классом угнетателей»⁴³.

Положительное влияние Церкви в истории Руси связывалось советскими идеологами не с её гуманистической деятельностью, а с историческими условиями, в которых она выступала одним из факторов утверждения прогрессивного на то время феодального строя:

«Мера прогрессивности христианизации Руси определялась мерой прогрессивности феодализма и временем его исторической прогрессивности»⁴⁴.

К. Е. Гломозда, рассматривая мнение зарубежных историков о положительной социальной деятельности Церкви на Руси с самого начала

41 Голобуцкий П. В. Запровадження християнства на Русі — правда і вигадки. С. 5–16.

42 Лобовик Б. О., Гордієнко М. С., Красников М. П. та ін. Ідеологія руського православ'я: критичний аналіз. Київ, 1986. С. 25.

43 Голобуцкий П. В. Запровадження християнства на Русі — правда і вигадки. С. 76.

44 Шинкарук В. И. Некоторые методологические проблемы марксистского освещения истории духовной культуры и религии. С. 24.

принятия христианства, пытался парировать данный факт. Советский автор полагал, что это якобы связано с тем, что до монголо-татарского ига Церковь только начинала развиваться как социально-политический институт и не имела достаточной силы для того, чтобы проявить своё истинное лицо. Лишь со временем Церковь стала крупным феодалом⁴⁵.

«В основе буржуазного превознесения роли церкви лежит концепция социальной нейтральности церковной деятельности наряду с противопоставлением церковного единства раздробленности светской власти»⁴⁶, — указывал К. Е. Гломозда.

Термин «социально нейтральная деятельность» понимался как деятельность в интересах всех слоёв общества, а не только их верхов. Однако советский учёный был категорически не согласен с этим утверждением, указывая, что «на самом деле вся деятельность церкви была связана с интересами господствующих классов»⁴⁷. Согласно идеологической риторике советских авторов, Церковь, будучи крупным землевладельцем, «беспощадно закрепощала юридически свободных людей, считая, что труд феодально зависимых людей более производителен, чем труд рабов»⁴⁸. При этом все факты попечения о нищих, социальная деятельность Церкви, защита нравственных идеалов в отношениях людей расценивалось как приспособленчество:

«Всё это характеризовало церковь как приверженку гибкой политики при решении сложных социальных проблем и в то же время, свидетельствовало о способности её идеологов уступить в менее принципиальном для спасения главного»⁴⁹.

Патриотическая деятельность

Одно из популярных идеологических клише, которое встречается в работах украинских советских авторов, — утверждение о том, что патриотическая деятельность чужда Православной Церкви:

45 Гломозда К. Е. «Крещение Руси» в концепциях современной буржуазной историографии. С. 72, 80.

46 Там же. С. 90.

47 Там же. С. 103.

48 Беленко Т. И. Несостоятельность православно-богословской оценки введения христианства на Руси // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев, 1986. С. 9.

49 Голобуцкий П. В. Запровадження християнства на Русі — правда і вигадки. С. 78.

«Теперь на страницах церковного официоза — “Журнала Московской патриархии” — говорится о том, что будто бы в течение своего тысячелетия православная церковь “свято и ревностно трудилась на благо своего народа”. Но общеизвестно, что с самого начала введения христианства на Руси она ни разу не выступила в защиту интересов трудящихся, не поддержала их борьбу за своё социальное освобождение»⁵⁰.

Для этого тезиса предлагалось несколько уровней обоснования. С точки зрения исторической, утверждалось, что все положительные моменты в деятельности Церкви — были не чем иным, как приспособлением к историческим условиям или же деятельностью, которая была выгодна прежде всего самой Церкви, а значит, это было банальное отстаивание своих интересов, а не служение на благо общества.

Основываясь на критических высказываниях Е. Е. Голубинского относительно роли епископов в поднятии духа народа во времена монголо-татарского нашествия, В. П. Еременко приходит к однозначному выводу о том, что нет никаких оснований говорить об исторической традиции патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Были лишь «отдельные субъективные устремления профессиональных служителей религиозного культа, более или менее совпадавшие с освободительными интересами русского народа»⁵¹. Если же не было положительного патриотического влияния Церкви на русское общество, то, развивая мысль В. П. Еремеев, не было в то время и «Русской Православной Церкви в собственном смысле слова, как независимой организации, способной самостоятельно решать внутрицерковные и внутригосударственные дела». Далее автор представляет известные исторические факты стремления князей к ограничению влияния Византии на церковную жизнь Руси. В конечном итоге он приходит к выводу, что до монгольского нашествия Церковь на Руси сделала лишь отдельные шаги «к самостоятельности и утверждению самобытности», но православие всё же не приобрело национального характера, оставшись всё ещё «византийской, а не русской религией, религией князей, но не религией русского народа»⁵². Относительно участия Русской Православной Церкви в борьбе с фашизмом В. П. Еремеев полагает, что следует опять же говорить о защите клановых интересов, а не о патриотической самоотверженности, «поскольку фашизм был

50 Лобовик Б. А., Колодный А. Н., Филоненко Н. В. и др. Православие и современность. С. 8.

51 Еременко В. П. В поисках исторической истины. С. 39–40.

52 Там же. С. 43.

врагом не только неверующих граждан нашей страны, но и прямым врагом православия»⁵³.

С точки зрения философского обоснования тезиса об отсутствии у Православной Церкви созидательной патриотической деятельности, предлагалось превратное истолкование мировоззрения христианства как религии, которая якобы требует заботиться лишь о Небесном отечестве, пренебрегая реальными земными проблемами и интересами Родины. «Мистификация богословием социальных процессов, — писал Ю. А. Калинин, — попытки подчинить общественное развитие идеям эсхатологии и провиденциализма, призывы к упованию на волю Божию, нравственное совершенствование как основное средство решения жизненных проблем — всё это принижает человека, переключает его интересы с единственно реальной, земной жизни на призрачную “небесную”, тормозит формирование человека социалистического общества»⁵⁴. При этом появление в середине XX в. осознанной патриотической программы представлялось результатом положительного влияния на «церковников» социалистической действительности и уроков Великой Отечественной войны:

«Уроки строительства социализма и особенно защиты страны в годы Великой Отечественной войны открыли для церкви новый характер отношения к государству и стали главной причиной того, что традиционные богословские рассуждения о “небесном отечестве” были существенно переосмыслены, изменены»⁵⁵.

Националистическая линия

В официальных изданиях, выходивших в Советском Союзе, естественно, не была представлена националистическая линия идеологической критики. Подобные работы могли распространяться только в самиздатском формате. Для примера подобного направления идеологических искажений церковной истории можно взять апрельский номер за 1988 г. самиздатского журнала «Альтернатива. Журнал национальных демократов». Если сравнивать тот образ Русской Православной Церкви, который формировался в официальной идеологической парадигме

53 *Еременко В. П.* В поисках исторической истины. С. 51.

54 *Калинин Ю. А.* Модернизм русского Православия. Киев, 1988. С. 71.

55 *Лобовик Б. О., Гордієнко М. С., Красников М. П. та ін.* Ідеологія руського православ'я: критичний аналіз. С. 25.

атеистического советского государства с националистическим вариантом идеологического осмысления церковной жизни, то можно заметить достаточно много общих черт. Во-первых, это образ Русской Церкви как врага украинского народа. В указанном номере журнала «Альтернатива» утверждалось, что «Русская православная церковь стала как бы пособницей мучителей» по отношению к греко-католикам и всем национально осознанным общественным деятелям⁵⁶. Во-вторых, искажение исторических реалий и настоящей действительности с тем, чтобы преподнести деятельность Русской Православной Церкви как деструктивную по отношению к украинской общественной жизни. Авторы писали, что Русская Церковь «узурпировала себе право на празднование юбилея крещения Киевской Руси», тем самым лишая возможности развивать общественную деятельность в этом направлении представителям иных религиозных организаций⁵⁷. Естественно, в советских реалиях о таком сильном влиянии Церкви, чтобы «узурпировать» какое-либо общественное движение не могло быть и речи. Наконец, излюбленный методологический приём советских агитаторов, а также националистических деятелей — употребление экспрессивной, отрицательной лексики по отношению к Церкви, например: «узурпация», «угнетение», «пособница мучителей» и прочее.

Церковный модернизм

Под церковным модернизмом советские авторы понимали «интенсивный пересмотр и изменение вероучительных и культовых положений и следующих из них выводов, а также форм и методов религиозной организации и деятельности в соответствии с новыми социально-историческими условиями, образом жизни и деятельности людей»⁵⁸. При этом считалось, что «модернизация религии» является «объективной закономерностью»⁵⁹. Авторы представляли развитие не просто общественной позиции, но и всего социального богословия Русской Православной Церкви как процесс «перехода к лояльному отношению к советской власти, а потом и полной и безапелляционной поддержки её, перехода

56 Альтернатива. Часопис національних демократів. 1988. № 4. С. 6.

57 Там же.

58 Калинин Ю. А. Модернизм русского Православия. С. 9.

59 Там же.

от концепции социально-политического индифферентизма к левохристианским позициям “коммунистического христианства”⁶⁰.

Представляя подобным образом «эволюцию» русского православного богословия, его «модернизацию», атеистические авторы исходили из нескольких положений. Во-первых, советская социалистическая действительность с её идеологией представлялась как «последняя» реальность, в смысле «объективности» её социально-политических и философских построений. Именно она была мерилom истины в оценке всех общественных, культурных, научных процессов. Во-вторых, следуя классикам марксизма-ленинизма, религия в глазах украинских советских авторов определялась как надстройка над общественным базисом, вторичное и производное от общественных отношений, как «социально-исторический феномен»⁶¹. Следовательно, всячески подчёркивалась изменчивость вероучения, богословских и социальных позиций Церкви в связи с якобы растущей «осознанностью» и «просвещением» народных масс, «глубочайшими преобразованиями в жизни общества, изменениями социального положения трудящихся, в том числе верующих»⁶².

Для примера позволим себе привести пространную цитату из коллективной монографии «Идеология русского православия», вышедшей в Киеве в 1986 г.:

«В социалистическом обществе повсеместно утвердился принцип коллективизма: один за всех и все за одного. Только его считают достойным для себя советские люди, в том числе верующие, только им желают они руководствоваться в общественной и личной жизни. Приняв это во внимание, идеологи современного русского православия начали характеризовать “спасение” не как следствие личной инициативы каждого индивидуума, а как результат общих усилий верующих и неверующих, как некое коллективное действие. При этом само понятие “спасения” теперь объясняется специфически: не как эгоистическая забота о своей душе, о своей участи в посмертной жизни, а как деятельное служение ближним в социальном и нравственном смыслах здесь, на земле»⁶³.

60 Лобовик Б. О., Гордієнко М. С., Красников М. П. та ін. *Ідеологія руського православ'я: критичний аналіз*. С. 26.

61 Колодний А. М., Кондратик Л. Й. *Атеїзм — пізнана істина*. Київ, 1987. С. 11.

62 Лобовик Б. А., Колодний А. Н., Филоненко Н. В. и др. *Православие и современность*. С. 35.

63 Лобовик Б. О., Гордієнко М. С., Красников М. П. та ін. *Ідеологія руського православ'я: критичний аналіз*. С. 55.

Для обоснования этого утверждения приводится цитата из выступления митрополита Никодима (Ротова):

«Христианин, который замкнулся в узком кругу своих собственных, хотя бы и высоких, духовно-нравственных интересов, который думает только про своё собственное спасение, не может считаться соответствующим идеалу братолюбия и жертвенности, провозглашённом Евангелием»⁶⁴.

Как видим, совершенно очевидный и естественный для христианства во все времена принцип спасения через служение ближнему, ясно выраженный в посланиях апостолов, словах прп. Макария⁶⁵, свт. Иоанна Златоуста⁶⁶, прп. Никона Оптинского⁶⁷ и других, представлен как элемент модернизации богословия. Очевидно, что подобные построения были естественным следствием идеологически искажённого взгляда на Церковь, антинаучной предубеждённости и опоры на заведомо ложные принципы объективности социализма. При этом интересно, что и сами советские авторы в конечном итоге признавали отсутствие каких-либо глобальных изменений православного мировоззрения, указывая, что «изменение социально-политических воззрений православия не влечёт за собой изменения его мировоззренческих позиций» и не является следствием «каких-то имманентных религии факторов»⁶⁸.

Сотрудник института философии АН УССР Н. В. Ткаченко писал:

«Необходимость пересмотра проблемы отношения человека к Богу для православных идеологов вызвана интенсивным характером секуляризации сознания верующих, ослаблением у них веры во многие догмы, утверждением научно-материалистического мировоззрения в сознании большинства граждан нашего общества, что является

64 Лобовик Б. О., Гордієнко М. С., Красников М. П. та ін. Ідеологія руського православ'я: критичний аналіз. С. 55.

65 «Невозможно спастись иначе, как только через ближнего». Цит. по: *Марк Подвижник, прп.* Нравственно-подвижнические слова. Сергиев Посад, 2¹⁹¹¹. С. 258.

66 «И сам я не верю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего». Цит. по: *Иоанн Златоуст, свт.* О священстве VI, 10 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1895. С. 477.

67 «Спасение ваше и гибель ваша — в ближнем вашем. Спасение ваше зависит от того, как вы относитесь к своему ближнему». Цит. по: *Духовный цветник оптинских старцев.* Избранные наставления / авт.-сост. И. Булгакова. Москва, 2019. С. 42.

68 Лобовик Б. А., Колодный А. Н., Филоненко Н. В. и др. Православие и современность. С. 4, 35.

следствием подрыва социальных корней религии и исчезновения общественной потребности в ней»⁶⁹.

Как видим, само явление «модернизма» русского богословия в представлении атеистических авторов было порождением их оценки советской действительности как единственно верной формы мироустройства. Оно выводилось не столько из анализа реалий церковной жизни, сколько являлось необходимым элементом объяснения «отсталости» церковного мировоззрения. Следовательно, нужно было показать, что «церковники» пытаются «дорастить» до социалистического мировоззрения. Именно для этого и создавался образ «догоняющего» социалистическую реальность богословия, образ Церкви, которая стремится всеми силами вписаться в «победившую» атеистическую идеологию, приспособить своё «отсталое» вероучение к реалиям «рая на земле» — стране Советов. Однако история ясно показала всю иллюзорность коммунистической идеологии. «Общественная потребность в религии» не исчезла ни в Советском союзе, ни в мире. Таким образом, и само понятие «модернизм русского православия», и все попытки представить процесс «модернизации» русского богословия являются очевидным идеологическим клише советской науки, а не реальностью церковной действительности того времени.

Выводы

Советская действительность с её жёсткой идеологической доктриной наложила сильный отпечаток на характер гуманитарных исследований, издававшихся в стране. Во второй половине 1980-х гг. в Украинской ССР наблюдается возрастание общественного интереса к церковной жизни, в том числе среди учёных. Это было связано, с одной стороны, с торжествами по случаю Тысячелетия крещения Руси, а с другой — с общими тенденциями развития историографии в период «перестройки». Анализ публикаций украинских советских авторов второй половины 1980-х гг. позволяет сделать вывод о том, что, невзирая на процессы демократизации и гласности, верная доктринам марксизма-ленинизма идеологическая оппозиция к Церкви сохраняла твёрдые позиции в среде украинского научного сообщества.

69 Ткаченко Н. В. Модернистское истолкование отношения «человек-бог» в современном православии // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев, 1986. С. 71.

Основными методологическими приёмами идеологического искажения церковной истории были:

- огульное упрощение исторической действительности, когда сложные исторические процессы, связанные с церковной жизнью, нередко представлялись в одномерном контексте с расстановкой антагонистических оценочных акцентов;
- целенаправленное упрощение церковной трактовки прошлого Руси, искажение выводов христианских авторов, чтобы показать их наивный характер и «ущербность»;
- формирование отрицательного отношения к позиции церковных учёных с помощью навешивания ярлыков, необоснованного противопоставления «свой — чужой», «прогрессивный — отсталый», «научный — выдуманный»;
- использование экспрессивной, отрицательно окрашенной лексики.

Подобные методологические особенности в отображении церковной истории характерны и для националистической линии идеологической критики Русской Православной Церкви.

В аспекте культурного развития страны идеологически мотивированные авторы пытались представить христианство как чуждую идеологию, которая якобы прервала самобытное развитие народной культуры в рамках языческого мировоззрения. Церковь обвинялась в узурпации культуры, образования и науки, провозглашалась тормозом культурного развития, препятствовавшим формированию светских наук.

В социальном плане советские авторы представляли Церковь охранительницей интересов эксплуататоров. Все положительные факты представлялись как приспособленчество. Утверждалось, что ввиду особенностей православного богословия и отрицательных личных качеств церковной иерархии Русская Православная Церковь не вела созидательную патриотическую деятельность.

Ещё одним идеологическим мифом, который активно развивался в работах украинских советских авторов второй половины 1980-х гг. был миф о «модернизации» русского православия, которая якобы активно проводилась Церковью с тем, чтобы не отставать от советской действительности. Проведённый анализ позволяет утверждать, что данный миф был необходим прежде всего самим советским идеологам, чтобы показать «передовой характер» социалистической действительности.

Полученные выводы позволяют наметить основные направления для дальнейших исследований влияния советских идеологических мифов на становление и развитие церковной историографии на Украине после провозглашения независимости.

Источники

- Духовный цветник оптинских старцев. Избранные наставления / авт.-сост. И. Булгакова. Москва: Эксмо, 2019.
- Иоанн Златоуст, *свт.* О священстве // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12 т. Т. 1. Санкт-Петербург: СПбДА, 1895. С. 395–475.
- Марк Подвижник, *прп.* Нравственно-подвижнические слова. Сергиев Посад: СТСЛ, 21911.

Литература

- Альтернатива. Часопис національних демократів. 1988. № 4.
- Беленко Т. И. Несостоятельность православно-богословской оценки введения христианства на Руси // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: «Вища школа», 1986. С. 3–10.
- Білокінь С. Про становище історичної науки в Україні // Український історик. 1990 (рік 27). № 1–4 (104–107). С. 138–144.
- Гломозда К. Е. «Крещение Руси» в концепциях современной буржуазной историографии: (Критич. анализ). Киев: Наук. думка, 1988.
- Глушак А. С. Критика религиозной интерпретации введения христианства на Руси // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: «Вища школа», 1986. С. 10–17.
- Голубуцький П. В. Запровадження християнства на Русі — правда і вигадки. Київ: Політвидав України, 21987.
- Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI — начала XII в. Киев: Наук. думка, 1988.
- Еременко В. П. В поисках исторической истины. Днепрпетровск: Проминь, 1989.
- Заглада А. А. Методологические аспекты критики современного православия // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: «Вища школа», 1986. С. 51–58.
- Захарченко А. В. Русское православие и народное образование // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: «Вища школа», 1986. С. 31–38.
- Зашкільняк Л. Радянські історичні міфи в сучасній українській історіографії: «старе вино в нових міхах» // Світло й тіні українського радянського історіописання: Матеріали

- міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.) / за ред. В. А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. С. 17–30.
- Зоц В. А. Православие и культура: факты против домыслов. Киев: Политиздат Украины, 1986.
- Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев: Наук. думка, 1988.
- Калакура Я. С. Українська історіографія: Курс лекцій. Київ: Генеза, 2004.
- Калинин Ю. А. Модернизм русского Православия. Киев: Изд. Политической литературы Украины, 1988.
- Колесник І. Українське історієписання 1960–1980-х рр.: культурні розриви та метаморфози // Світло й тіні українського радянського історієписання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.) / за ред. В. А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. С. 169–176.
- Колодний А. М., Кондратик Л. Й. Атеїзм — пізнана істина. Київ: Т-во «Знання» УРСР, 1987.
- Лисовенко Н. А. Несостоятельность православно-богословской системы ценностей // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: «Вища школа», 1986. С. 64–71.
- Лобовик Б. А., Колодний А. Н., Филоненко Н. В. и др. Православие и современность: (Философско-социологический анализ) / отв. ред. Б. А. Лобовик; АН УССР, Ин-т философии. Киев: Наукова думка, 1988.
- Лобовик Б. О., Гордієнко М. С., Красников М. П. та ін. Ідеологія руського православ'я: критичний аналіз / відп. ред. Б. О. Лобовик. Київ: Політвидав України, 1986.
- Проблемний огляд журналу «Православний вісник» / [підгот.: Колодний А. М. та ін.]. Київ: Товариство «Знання» УРСР, 1989.
- Тарасов Ю. В. Антигуманность учения и практики русского православия // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: «Вища школа», 1986. С. 38–45.
- Ткаченко Н. В. Модернистское истолкование отношения «человек-бог» в современном православии // Вопросы атеизма. Вып. 22. Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: «Вища школа», 1986. С. 71–78.
- Удод О. Просопографічна палітра українських радянських істориків доби «розвиненого соціалізму» // Світло й тіні українського радянського історієписання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22–23 травня 2013 р.) / за ред. В. А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. С. 161–168.
- Шинкарук В. И. Некоторые методологические проблемы марксистского освещения истории духовной культуры и религии // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья: (Ист.-филос. очерки): Сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т философии; [редкол.: В. С. Горский и др.; авт. введ. В. С. Горский, В. М. Ничик]. Киев: Наук. думка, 1988. С. 17–28.
- Hagen M., von. Does Ukraine have a History? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. № 3. P. 658–673.